

Сквозь темноту революции, ее неба
 ирреально самоотверженно
 Ах, как бы хотелось тебе звезды —
 освещать и надежды, и свободу
 революции!

ИЗ РЕВОЛЮЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ М. ГОРЬКОГО

(НОВЫЕ ДОКУМЕНТЫ)

17 апреля 1901 года на рассвете, в 6½ часов утра, нижегородское жандармское управление произвело ряд обысков в связи с попыткой агитации среди сормовских рабочих. Был арестован и М. Горький. Опираясь на материалы жандармского управления, Ал. Белозеров освещал этот момент в журнале «Новый мир» № 4 за 1926 г.

Теперь мы располагаем материалами прокурора нижегородского окружного суда, проливающими более яркий свет на революционную деятельность Ал. Максимовича среди сормовских рабочих.

В апреле 1901 года нижегородское губернское жандармское управление получило сведения о готовящихся беспорядках на сормовском заводе.

Для агитации среди рабочих «живущие в Н.-Новгороде писатели Алексей Пешков (М. Горький) и Степан Гаврилов Петров («Скиталец») приобрели в недавнем прошлом мимеограф», который и был направлен на имя В. И. Кольберга.

Горький обвинялся не только в организации «преступного сообщества», поставившего себе целью противоправительственную агитацию, но и

в приобретении мимеографа для печатания воззваний к сормовским рабочим. Просидев в тюрьме месяц, А. М. находился под домашним арестом, а с 3 июня под «особым надзором» полиции. Печатаемое ниже письмо А. М. к Екатерине Павловне было перехвачено и не доставлено адресату.

Оно оказалось в прокурорском деле.

Письмо печатается с разрешения Алексея Максимовича и с его комментариями.

Г. Б-Н.

ПИСЬМО М. ГОРЬКОГО ИЗ ТЮРЬМЫ

— «А знаешь—довольно таки мудрая штука писать письма из тюрьмы! И не потому, что не о чем писать, а потому, что никак не сообразишь, о чем можно писать?»

Вот если бы допускалась возможность разговаривать с уголовными! Но—увы!—для того, чтобы иметь право общения с ними, нужно самому

совершить по меньшей мере кражу со взломом, а здесь сие не доступно. Положение—круглое.

А среди уголовных есть преинтересные физии. Глядя на них, я готов сказать, что прав Достоевский, а не Мельшин¹⁾.

Но—нужно проверить сие, а—как?

Перехожу к разлетайке. Она коротка немного, эта разлетайка, но ничего! Получил от Ланина²⁾ книги и даже пробовал оные читать.

Очень поучительно, но чрезвычайно скучно. Ужасно много законов в России! Чуть ли не больше, чем преступников.

Начитавшись Улож. о наказаниях, лег спать и во сне видел разные страшные статьи. Все они—длинные, сухие—вроде старых дев и все с хво-

стиками, а некоторые даже с двумя. Все—без глаз. Сидят, будто бы, предомной, твердо как изваяния и скалят на меня черные зубы. Не то весело смеются, не то—злорадно торжествуют.

Ну, идет поверка³⁾, нужно отдать письмо. Надеюсь, ты здорова? Сын? Мать? и все сродники?

Крепко жму руку.

Испеки мне драчену. Большущую! Приехала Софья Федоровна?⁴⁾

До свиданья.

А. (Пешков).

Пришли блузу или синюю рубаху, ту, что недавно сшила.

Хочешь нечто в роде двустипшия?

Получи:

Сквозь железную решетку с неба
грустно смотрят звезды...

Ах, в России даже звезды светят
людям сквозь решетки!

¹⁾ В отношении Достоевского и Мельшина-Якубович к миру «уголовных» серьезное различие: первый изображает «преступников» людьми преимущественно грамотными и талантливыми, второй же—через 50 лет—видит их в большинстве без-или малограмотными и «вырожденцами», дегенератами.

²⁾ Книги, посланные мне А. И. Ланиным: учебники гражданского и уголовного права, «Уложение о наказаниях» и т. д. Ланину хотелось видеть меня «частным поверенным».

³⁾ «Поверка», это—обычная тюремная церемония.

⁴⁾ Софья Федоровна Витютиева—жена известного народовольца Витютиева, акушерка-фельдшерца.

Поверка. Принесли твое сердитое, раздраженное письмо. Ф-фу!

Голубчик—не волнуйся, не раздражайся, не шуми. Давай докторов хоть дюжину, я смиренно и безропотно предоставляю себя им на всестороннее рассмотрение и исследование под микроскопом, телескопом—как тебе угодно! Только не сердись, только не раздражайся! И не ругай Покровского⁵⁾: если он и не важный доктор, зато хороший театрал, как

⁵⁾ Покровский—полицейский врач.

говорят. Душа моя! В каждом человеке есть свои достоинства, нужно помнить это. Нужно быть кроткой⁶⁾. Кротости можно выучиться у меня, ей богу! Я—яко голубь и ничего не возьму за обучение. Софью Федор. целую в уста и благодарю ее, и подарю ей золотые часы с автографом. Милая она баба!

⁶⁾ Уроки «кроткости» были необходимы Е. П., она была накануне родов и раздражаться ей было вредно.